

июль—август
№4 (199) 2016

БАЛЕТ BALLET

~ Фестивали ~

~ Панорама ~

~ Премьеры ~

~ Гастроли ~

~ Юбилеи ~

~ Интервью ~

О труппе «Les Ballets Russes de Monte Carlo»

Каждого посетителя Новой сцены Большого театра поражает волшебство великолепной росписи плафона, где изображены эскизы Льва Бакста к спектаклям дягилевской антрепризы в редакции Зураба Церетели. Это персонажи балетов «Клеопатра», «Нарцисс», «Жар-птица», «Синий бог» и других. Но эти шедевры могли быть безвозвратно утерянными, если бы не усилия князя Лобанова-Ростовского и его первой супруги Нины.

Они спасли от забвения уникальные экспонаты балетных и оперных постановок художников Серебряного века, в годы революционных событий и гражданской войны навсегда покинувших Россию. Лобановы-Ростовские собрали более 1100 произведений 77 художников русского театрально-декоративного искусства, сохранив и представив миру богатство русской культуры и искусства. После многочисленных выставок, устраиваемых супругами за рубежом, последовали выставки в СССР. Осуществилась и главная цель – возвращение театральной коллекции на родину российских живописцев. Сейчас коллекция Лобановых-Ростовских находится на постоянном хранении в Санкт-Петербургском музее театрального и музыкального искусства.

Оксана Карнович. Никита Дмитриевич, Вы сохранили огромный пласт культурного наследия дягилевской антрепризы. Вам довелось встречаться с теми, кто непосредственно входил в круг общения Сергея Дягилева?

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. В мае 1959 года у меня вырезали железы (миндалины) в больнице в Ист-Хэмптоне (пригород Нью-Йорка на Лонг-Айленде). Туда меня пристроил Саша Тарсаидзе². Я тогда был студентом в Нью-Йоркском университете. Саша сказал, что больница в Ист-Хэмптоне всегда почти пустая на выходные, и поэтому он мне там устроил операцию утром в 7 часов в субботу. В воскресенье он меня пригласил к себе отдыхать на пляж, где среди гостей был князь Сергей Оболенский, с которым они вместе работали в рекламной фирме, созданной князем. Помимо иных обстоятельств нас с Сергеем Платоновичем связывало то, что мы оба окончили Оксфордский университет, а именно Крайст-Черч колледж, и мы оба были членами клубов Буллингдон и Лодер (Loder's), к которым принадлежала и ныне принадлежит верхушка британского общества и правящая элита (истеблишмент). Британский премьер-министр Давид Камерон, министр финансов Джордж Осборн и мэр Лондона Борис Джонсон – все были членами Буллингдона.

Мы разговорились, и Сергей Платонович рассказал о прошлом:

«В мае 1912 года я приехал с отцом в Лондон, чтобы поступить в Оксфордский университет. Я проделал все необходимые административные шаги, и мне сказали, что ответ будет через месяц.

Вместо того чтобы возвращаться в Россию, я решил дожидаться ответа в Лондоне. Поселился я у моего друга князя Феликса Юсупова, который как раз окончил Оксфордский университет, и жил в квартире в районе Найтсбридж (Knightsbridge). У Феликса собирался светский артистический кружок. Это среди прочих были Анна Павлова, супруги Михаил и Вера Фокины, Лев Бакст, Сергей Дягилев, Джульетта Дафф (дочь леди Рипон), маркиз де

Кузвас, Тамара Карсавина, король Мануэль Португальский. В один из вечеров Павлова была в очень хорошем настроении. Я с ней танцевал «бурлеск фанданго». Я на ходу вспоминал па, которым маэстро Чеккетти обучал меня в Петербурге. Для Павловой же это было в известном смысле возможностью отвлечься от напряженной работы на сцене. Павлова была близкой подругой Феликса и, живя у него, я постоянно виделся с ней.

Маркиза Рипон, русских кровей, устраивала большие приемы для людей из разных областей искусства в своем доме Кумб-Корт (Coombe Court) возле дворца Хэмптон-Корт (где проводила свои последние дни великая княгиня. В один из приемов за завтраком я там встретил Нижинского, Павлову и Карсавину. В июне 1911-го леди Рипон на свои деньги привезла в Лондон дягилевскую труппу. Премьера, состоявшаяся в канун коронации Георга V, была самым громким успехом в истории театра в Лондоне. В ней участвовали Карсавина, Нижинский и даже мой старый учитель танцев маэстро Чеккетти.

Леди Джульетта Дафф (дочь леди Рипон) была замужем за полковником Королевской конной гвардии. Она продолжила меценатскую традицию, начатую матерью, и после октябрьского переворота собрала средства, чтобы снова пригласить Дягилева в Лондон. Я тогда помогал ей со сбором денег среди друзей. Она продолжала помогать Дягилеву вплоть до его кончины в 1929 году, собирая около трех тысяч фунтов в год на содержание труппы.

После смерти Дягилева Рене Блюм и полковник де Базиль в 1931 году основали Бале рюс де Монте-Карло (les Ballets Russe de Monte Carlo). В 1934-м Блюм ушел из компании, и труппу возглавил полковник де Базиль, переименовав ее в Бале рюс дю колонель де Базиль (Ballet Russe du Colonel de Basil). Базиль не имел того круга богатых почитателей, которым располагал Дягилев, и был на грани банкротства. Через Савелия Сорина он обратился ко мне за помощью (к тому времени я уже жил в Америке). Я ответил Сорину, что согласен помочь, и возглавил «финансовый комитет» с целью финансирования труппы

де Базиля. Мы решили создать полноценную американскую балетную труппу, что было чрезвычайно трудно ввиду предыдущего финансового краха в США. Для начала я договорился со знаменитым американским импресарио Солом Юроком устроить им гастроли по Америке. Одной из проблем было то, что у нас была конкуренция в лице осколка дягилевской труппы, финансируемой Сергеем Денемом (Serge Denham, Сергей Иванович Докучаев) и Джанки Флайшманом (Julius "Junkie" Fleishman), под названием Бале-рюс де Монте-Карло. Я, конечно, сразу же понял, что для нашего дела убийственно иметь две компании с подобным репертуаром, предназначенным для той же самой аудитории. Поэтому мы с Сориным считали, что эти две труппы должны слиться. Де Базиль сопротивлялся, ссылаясь на то, что, мол, Денем никогда на это не согласится. В конце концов, мы достигли устного договора. Вышло так, что обе труппы гастролитовали в Лондоне. Я приплыл в Лондон, чтобы обсудить вопрос с адвокатами Русского балета Монте-Карло. Увы, в ходе переговоров я понял, что де Базиль никогда не согласится на слияние, ибо его абсолютным условием было быть единственным главой новой созданной компании, не оставляя места Сержу Денему. Конечно, мы с Савелием Сориным были глубоко разочарованы, ибо потратили так много времени и денег на это дело. Единственным приятным воспоминанием от тех переговоров остались встречи в промежутках от них. Это были встречи с друзьями из прошлой России – такими, как Александра Данилова, Леонид Мясин, Михаил Фокин и Вера Зорина. Как ни странно, по вечерам на танцах я был разочарован, убедившись, что очень немногие балерины столь же хороши в исполнении балетных танцев.

О. К. Вам небезразлична тема классического балета. Как Вы познакомились с Алисой Никитиной,³ первой исполнительницей Терпсихоры в балете «Аполлон» Джорджа Баланчина, фавориткой лорда Гарольда Хамсворта, первого виконта Ротермира (1868-1940), который из-за любви к балерине материально поддерживал труппу Дягилева?

Кн. Н. Л-Р. В поисках эскизов театральных работ к постановкам труппы Дягилева мне дали адрес Никитиной в Монте-Карло. Я ей написал в надежде, что у нее что-то осталось, что она могла бы мне продать. К сожалению, во время моих деловых поездок в Монте-Карло, связанных с возможностью продажи собрания Лифаря в Монако, мне как-то не удалось у нее побывать. Так что у меня прямых впечатлений о ней не осталось, кроме ее письма ко мне от 24 октября 1976 года, которое я могу воспроизвести:

«Милый Никита Дмитриевич Лобанов!

Ваше письмо я получила. Я создала «La Chatte» у Серг. Пав. Дягилева, по его желанию в Париже и по всей Европе. У меня сохранились костюмы, и конечно много фото т.к. это был самый большой успех последних лет дягилевского русского балета, на музыку, написанную для него Henri Sauguet, в хореографии нашего Джоржа Баланчина и дек. и костюмы Габо и Певзнера. Мои костюмы были выставлены на выставке в честь столетия со дня рождения С.П. Дягилева, которую открыли в присутствии князя и княгини Монакской. У меня, конечно, есть много фото в этом балете, так же как и статуя в балете «Les Biches», сделанную знаменитым скульптором в Будапеште «VONSTROB». Во время моих выступлений на музыку F. Poulenc, постановка Брониславы Нижинской, костюмы Marie Laurencin. Что же касается рисунков, то они все были сделаны по заказу С.П. Дягилева и затем перешли его секретарю Борису Кохно. Если он не отдал музею в Париже, со всеми остальными предметами балета.

Если Вы знаете Б. Кохно, я даю Вам его адрес: 18 Rue Marie Stuart, Paris 1R, tel.len33-04.Если Вы сегодня придете, я могу Вам показать костюмы и фотографии.

С лучшими пожеланиями,

Р.С. Вы можете также иметь разъяснения о балете в New York'e в «Lincoln Center» это Library and Museum of the performing Arts, откуда сюда приезжала желанная «Curator, dance collection Genevieve Oswald для interview со мной. Они это срежиссировали на пластинке. Приезжала сюда ко мне их журналистка Mlle. Kendall. Есть у меня здесь по желанию князя Монакского школа балета по нашей русской традиции и затем конкурс с Boursed'etudes для лучших учениц, чтобы <...> балетную труппу в память С.П. большого класса!

О. К. У Вас есть фотография с Алисией Марковой.⁴ Вы встречались с ней в театре «Ковент-Гарден»?

Кн. Н. Л-Р. Главным образом на мероприятиях, организованных Клементом Криспом, маститым балетным критиком Англии. Они были большими друзьями. Он сказал, что нам следует непременно познакомиться. Так что встреча состоялась по его инициативе.

О. К. Каковы Ваши впечатления от общения с Алисией Марковой?

Кн. Н. Л-Р. Впечатления... Контрапункт с Баланчиным: тот «обамериканился», она же была воплощением английской леди. Приятная статная дама, излучающая сердечность и доброжелательность. Это часто бывает у людей, которые уверены в себе, знают свой талант и поэтому чувствуют себя спокойно во всех обстоятельствах. Ей не нужно было ничего доказывать. Она была настолько приятна, что ее можно было долго и интересно слушать. Небольшого роста, она тихо говорила – деликатно, женственно. Я должен был записывать наши разговоры,

Н.Д. Лобанов и Алисия Маркова. Ковент-Гарден, Лондон, 2001 г.

но, увы... Мы встретились несколько раз. Конечно, дягилевский период у нее остался наиболее важным, гвоздем ее балетной карьеры. Все начиналось там. В общем, она в его труппе была самой молодой балериной. И под давлением Дягилева русифицировала фамилию. Была очень обаятельная женщина. Впрочем, как и Ольга Спесивцева. Как странно, две танцовщицы, и обе имели какую-то душевную доброту, излучали тепло. Так что с ними было просто приятно быть.

О. К. Расскажите, пожалуйста, об истории письма от Александры Даниловой.⁵

Кн. Н. Л.-Р. Данилова дружила с Мизией Серт, одной из самых богатых и влиятельных женщин Парижа, музой художников и поэтов, покровительницей русского балета, подругой Сергея Дягилева (все ее называли Мисей). Когда два знаменитых американца Артур Голд и Роберт Фитцдейл, которые играли вместе на рояле, решили написать о ней книгу, то они приглашали нас с первой супругой Ниной с собой из Нью-Йорка на Лонг-Айленд, зная, что мы тоже интересуемся Мисей Серт, послушать, что она будет им рассказывать. Я помню наши с Ниной поездки на Лонг-Айленд, как Данилова нас тепло принимала. По сравнению с другими балеринами из русской эмиграции она жила достаточно хорошо. Видно было, что она сильный человек, говорила уверенно и интересно. Нина записывает каждый свой день в дневнике, подробней можно расспросить у нее. С Мисей Серт я не мог встретиться, так как приехал в Париж только в 1953 году, а ее не стало в 1950-м. Но у меня были работы ее супруга Хосе Марии Серт, которые я подарил в отдел балета Нью-Йоркской публичной библиотеки при Линкольн-Центре. У Зинаиды Серебряковой я купил портрет Александры Даниловой. Вот ее письмо ко мне:

«Многоуважаемый Никита Дмитриевич!

Простите меня, пожалуйста, что я Вам сразу не ответила на Ваше письмо и не поблагодарила Вас за новую фильму.

Спасибо Вам большое.

Мои друзья страшно заинтересовались моим портретом.

Ольга Спесивцева (1895-1991).

Один из них David James звонил мне из Лондона – что он в восторге от портрета и сказал, что Вы и Ваша жена были очень милы с ним.

Спасибо Вам за то, что Вы были так любезны с ним.

Один из моих друзей занимается фотографией и чудно отпечатал мне Вашу первую фильму. Теперь я ему дам вторую в красках. Я думаю, это будет очень красиво. Очень хочу знать, жива ли Серебрякова? И если жива, то где она живет? Последний раз я видела ее в Париже. Очень милая дама.

Она племянница Александра Бенуа, который, конечно, давно умер.

Еще раз спасибо за все хлопоты. Искренне Ваша Александра Данилова.

О. К. И с Ольгой Спесивцевой встречались?

Кн. Н. Л.-Р. Да, в Толстовском фонде, когда туда ездил с Джо Уиши (Joseph Wishy). Он хотел снять фильм о ней. Уиши – американский балетовед, гомосексуал. Он получил средства на фильм, но ничего не сделал. Как-то всё было неудачно. Я ездил с ним как переводчик. Потом я ездил с ним в Тифлис, чтобы снимать Параджанова, а затем фильм о Дягилеве с Владимиром Васильевым и Карлой Фраччи в Лугано. Снимали часами. Но все эти ленты пропали... Он умер от СПИДа. Так многое из этого культурного наследия просто потеряно. Общих знакомых у нас было мало. Те, которые были, уже умерли. И мне так обидно, что такая масса часов съемок с Питером Устиновым, игравшим Дягилева, Карлой Фраччи (Тамара Карсавина) и Васильевым (Вацлав Нижинский) потеряны.

О. К. Какие воспоминания остались у Вас от общения с Ольгой Спесивцевой?

Кн. Н. Л.-Р. Я не ощущал, что она душевно больная. Те два часа, которые мы провели в Толстовском фонде, она сидела очень прямо, была красивой светской дамой. По-французски ее можно назвать «гранд дам» (grande dame), чего не скажешь о большинстве балерин. У нее было чудное тело. Было лето. Она была в легком сарафане. Вообще она была дамой высшего общества. Как и почему? Я не знаю ее биографии. Мы с Джо специально поехали в Толстовский фонд ее навестить. Она была подготовлена. Знала о нашем приезде.

О. К. Вы помните о чем Вы говорили?

Кн. Н. Л.-Р. К сожалению, нет. Всё это было записано на пленку. Это одна из моих больших досад в жизни от этих трех интереснейших фильмов, к которым я лично был причастным, по той или иной причине ничего не осталось. И даже фотографий у меня не осталось. Я не ожидал, что Джо Уиши уйдет так быстро. Я всегда думал, что будет время с ним повидаться и всё это получить. Тогда еще не было лекарства, и он растаял за три месяца.

О. К. Мне кажется, что эта плеяда ярких балерин, как Спесивцева, Никитина, Данилова, Маркова, несмотря на то что получили балетное образование в разное время и в разных странах, оставались хранительницами традиций императорской русской школы, олицетворяя собой всю красоту и элитарность балетного искусства, что пестовал в своих танцовщиках и танцовщицах Сергей Дягилев.

Кн. Н. Л.-Р. Да, несомненно.

О. К. Расскажите, пожалуйста, о Марго Фонтейн. Вы упоминали, что у вашего дяди Николая Васильевича Вырубова был роман с ней.

Кн. Н. Л.-Р. Впервые я встретил Марго Фонтейн летом 1967 года на приеме у Луи Камю, отца моего ближайшего друга по Оксфорду Алена. Камю-старший был председателем Коммерческого банка (Banc de Commerce) и пригласил нас с Ниной на обед в свое имение под Брюсселем.

На обед также была приглашена *prima ballerina assoluta* Королевского балета Англии Марго Фонтейн, много лет танцевавшая с Нуреевым, несмотря на то что она была значительно старше него. Меня усадили справа от нее. Узнав, что я русский, живущий в Париже, она спросила, не знаком ли я случайно с Николаем Вырубовым (ему была посвящена выставка в Доме русского зарубежья. – О.К.). «Да», – ответил я и добавил, что он младший брат моей матери. Фонтейн объяснила, что задала этот вопрос, ибо я очень похож на Вырубова, которого она хорошо знала в Лондоне до войны. Больше она ничего о нем не сказала. Но я знал, что у моего дяди был бурный роман с ней, и он хотел на ней жениться, а мой дед считал, что не подобает русскому дворянину жениться на балерине, и запретил брак. Похожая участь постигла моего дядю в желании жениться на дочери первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру Индире. Может быть, мой дед был прав, ибо в 42 года мой дядя женился на Сабин де Ноай (Noailles), дочери герцога де Муши, на 20 лет моложе его, и более полувека прожил с ней в счастливом браке.

Помимо этого наша общая знакомая леди Памела Джеллико, которая в тот момент уже не жила со своим бывшим супругом военно-морским министром Джеллико, была близкой подругой Марго Фонтейн. Нина с ней подружилась главным образом, потому что после развода леди Джеллико подрабатывала, читая лекции. Одной из ее излюбленных тем было садоводство, что ее сблизило с Ниной. Она была не столь красива, но говорила и выступала очень хорошо, за небольшие оклады, скажем, в музее «Метрополитен» в Нью-Йорке. Позже, когда мы переехали в Калифорнию, она выступала в музее там. В те дни она таскала с собой из Лондона слайды со стеклом для предохранения пленки. Тогда технология слайдов была гораздо сложнее. И эту тяжелейшую сумку она несла в руке, боясь, что они могут потеряться и лекция не состоится.

Когда мы переехали в Лондон, в 1980 году мы участвовали с леди Джеллико и Марго Фонтейн в комитете по спасению или выкупу имения Анны Павловой для создания дома-музея балерины.

О. К. Кем комитет был организован? Кому было небезразлично наследие русской балерины?

Кн. Н. Л-Р. Комитет был организован Ричардом Баклом, балетным критиком лондонской газеты «Обсервер». К сожалению, «левая» администрация района, где находился дом Павловой, считала, что следует создавать не музей балерины, а лучше организовать школу для менее обеспеченных жителей района.

Кн. Н. Л-Р. Однажды Макарова ужинала у нас с Джун в Лондоне. Наталья сказала, что когда она сбежала из Советского Союза, британское правительство ее спрятало. Она описывала долгую, петляющую дорогу в лесах, прежде чем подъехать в это имение, саму усадьбу. И вдруг Джун сказала: «Это наше имение Пиквелл!», где они жили с отчимом. Отец Джун был убит на войне в кровопролитной битве при Монте-Кассино в Италии, и его коллега по службе и ближайший друг женился на маме Джун. Он разыгрывал отставного военного помещика, который занимался охотой и рыбной ловлей. И пил. Но в сущности он работал в британской разведке. Джун не знала, но предполагала и со мной не делилась своими предположениями. Как я узнал, что он работал на разведку? Когда мы с Джун были в гостях у ее сводного брата Джоффи Кларка (Joff Clarke), я видел фотографии ее отчима с маршалом Тито и другими видными политическими деятелями. Я спросил

Н.Д. Лобанов и Марго Фонтейн. Брюссель. 1964 г.

об этом Джоффи: «При чем тут отставной военный фермер и маршал Тито?» Он ответил, «Отца парашютировали в штаб Тито во время войны с немцами (он держал связь между Тито и Черчиллем). Каждый раз, когда приходила агентура в наш дом, я должен был подписываться, что ничего не буду говорить о том, что здесь кто-то был». Джун в это время уже переехала жить в Лондон. История с Макаровой была еще одним подтверждением. Отчим Джун был «Джеймсом Бондом» под маскировкой английского джентльмена-фермера. Явно английская разведка попросила его спрятать Наталью Макарову у себя в имении, которое было окружено непроходимым лесом. Никто не мог бы додуматься, что Наташа находится в этом имении, до которого нужно было долго ехать по лесу. На днях я получил письмо от брата Джоффа:

«Может, Вы напомним мне, в каком году Наталья Макарова сбежала в Великобританию? (1970 – О.К.)»

У меня самые теплые воспоминания с тех пор, когда я смотрел, как Макарова упражнялась на лужайке в Пиквелле. Это было восхитительное зрелище для молодых глаз!

Разведывательная служба МИ 5 назначила русскоязычного человека в Пиквелл. Первый пробыл около трех дней, прежде чем отец выставил его из-за грубого отношения к персоналу и к маме. Вторым был приятный и остался на всё время пребывания Макаровой в Пиквелле.

К сожалению, папа вырвал страницу, подписанную Макаровой в книге посетителей. Как всегда «охотник за шпионами» заметал след!

Незадолго до того как мы продали Пиквелл в 2000 году, мой друг Эндрю Добсон работал в Москве и Санкт-Петербурге. Это был пост от банка, где он работал, спонсируемый правительством Великобритании, с целью помочь наладить финансовые услуги в России. К нему приставили очень красивую русскую бизнес-партнершу, которая приехала с ним в Пиквелл на обед. Будучи бывшим майором КГБ, она была заинтригована Пиквеллом. Она сказала, что в КГБ было большое досье на отца. Они подозревали, что он участвовал в укрытии Макаровой, и была приятно удивлена, когда узнала, что та скрывалась именно в этом доме! Эта дама также имела высшую

степень в области ботаники и смогла определить почти все рододендроны, которые папа посадил на подъезде к Пиквеллу.

Я сходил посмотреть на Наталью, когда она выступала в Париже где-то в 1976-м, когда я там работал. Я послал ей 13 красных роз с запиской. Она помнила о своем пребывании в Пиквелле и обо мне. Мы пропустили по рюмочке в ее примерке после выступления. Ее английский был всё еще ограниченный, но она говорила со мной по-французски.

Изумительное совпадение, что женщина – майор КГБ, посетившая Пиквелл, признала, что советская разведка знала, что отчим Джун служил в английской разведке. А также и то, что КГБ предполагало, что Макарова была спрятана в этом имении. Постараюсь узнать имя бывшей сотрудницы КГБ, что придаст еще больше вероятности этому необычайному совпадению. На основании вышеуказанного очевидно, что КГБ имело своего осведомителя в английской разведке, который заложил отчима Джун.

О. К. Вы встречались с Солом Юроком?

Кн. Н. Л-Р. О да! Он стал главным импресарио в Нью-Йорке после того, как американский антрепренер Морис Гест ушел в отставку в 1910-1920-х годах. Сол Юрок (Соломон Израилевич Гурков) – украинский еврей. Он хорошо знал балетный, оперный репертуар, организовал гастроли Анны Павловой, Федора Шаляпина, Балле Рюс де Монте-Карло, потом Большого театра и многие другие. Прекрасный организатор! Я помню, мы стояли, как ни странно, посередине Лессингтон-авеню на проезжей части, заговорились, обсуждая репертуар, который он хотел предложить Большому театру привезти в Америку. Четко помню, когда мы заговорили о «Князе Игоре», он сказал, что поступит так же, как в свое время сделал Дягилев для парижских сезонов в 1909 году – привезет только второй акт с «Половцеками плясками», потому что для американской публики всё остальное будет скучно. Так он и поступил.

О. К. Общаясь с Солом Юроком, Вам было интересно узнать о советском балете, о советских артистах?

Кн. Н. Л-Р. Никак нет. Как ни странно, тогда живя в Нью-Йорке, меня гораздо больше интересовали те балеты, что Баланчин ставил в Нью-Йорк Сити Бале. СССР был далек, и попасть туда было очень сложно. Конечно же, когда Большой театр гастролировал в Нью-Йорке, мы были на спектаклях. Но гораздо чаще мы пользовались благонамеренностью супруги Баланчина Веры Зориной, которая часто приглашала нас в его ложу. Почему это было возможно? Потому что Баланчин никогда не сидел на спектаклях ни в ложе, ни в партере. Он всегда смотрел балеты на балконе или с первого яруса из прохода, то есть по центру, где в Большом и Мариинском театрах находилась царская ложа. Я недавно с кем-то об этом говорил, по-моему, даже с Григоровичем, который мне подтвердил, что оттуда лучше видно. И потому мы имели два места в его ложе. У нас были дружеские отношения с его балеринами. Виолетт Верди была замужем за моим ближайшим другом Колином Кларком. Вот ответ, почему **я был заиклен на культурной жизни Нью-Йорка, а не России.**

О. К. Какие отношения у Вас были с Баланчиным? Вы общались на английском?

Кн. Н. Л-Р. Не были радушными, всегда формальными, как ни странно. Говорили всегда на русском.

О. К. Какая у него была манера общения? Как бы Вы ее охарактеризовали?

Кн. Н. Л-Р. Баланчин нарочито старался быть американцем. К примеру, вместо галстука он носил веревку с

металлическим клипом, что характерно для техасцев. Ходил в сапогах, будто он ковбой. И это ему не подходило, потому что носить в Нью-Йорке, где люди более европеизированы, веревку с металлическим клипом, как это делают в Техасе, по крайней мере, в те годы было более чем странно. Видимо, у него было свое представление об Америке. Техас и Нью-Йорк – это два разных мира. Так он представлял себе типичную Америку, не Нью-Йорк. На меня это производило отрицательное впечатление, это было мне чуждо. Но я понимал его ультра-американизм, потому что он хотел создать новый американский балет вместе с Линкольном Кирстайном, и ему это удалось. Но в этом смысле он отличался от других эмигрантов, которые стремились сохранить русскую культуру на Западе.

О. К. Никита Дмитриевич, спасибо Вам большое за интересный рассказ!

*Интервью подготовила
Оксана КАРНОВИЧ*

¹ Князь Сергей Платонович Оболенский (3.10.1890, Царское село – 29.09.1978, Гросс-Пойнт, Мичиган, США) – старший сын Платона Сергеевича Оболенского-Нефединского-Мелецкого и Марии Константиновны Нарышкиной, принадлежал к высшему кругу русской знати, русский офицер, сотрудник Управления стратегических служб США, один из основателей американского спецназа (US Special Forces). После смерти отца в 1913 году носил фамилию Оболенский-Нефединский-Мелецкий. Служил в кавалергардском полку, а в 1916 году женился на морганатической дочери императора Александра II светлейшей княжне Екатерине Юрьевской. В 1958 году стал вице-председателем совета директоров Hilton Hotels Corporation.

² Александр Георгиевич Тарсаидзе (1901, Тифлис — 1978, Нью-Йорк) — грузинско-русско-американский писатель и историк.

³ Никитина (урожденная Ландау) Алиса (1905, Санкт-Петербург – июнь 1978, Монте-Карло, Монако) – балерина, певица, педагог. Училась в Петроградском театральном училище. После революции эмигрировала в Королевство сербов, хорватов и словенцев, училась в балетной школе, танцевала в Любляне. Брала уроки у Ольги Преображенской в Берлине. В начале 1920-х танцевала в Русском романтическом театре Б. Романова в Берлине. В 1923 была принята в труппу Русского балета С. Дягилева. С 1925-го жила в Монте-Карло, Париже и Лондоне. Исполняла роли в балетах Л. Мясина «Зефир и Флора» на музыку В. Дукельского и «Ода» Н. Набокова, Б. Нижинской «Ромео и Джульетта» (музыка К. Ламберта), Ж. Баланчина «Кошечка» (А. Соре) и «Аполлон Мусaget» (И. Стравинского) и другие. В 1932 г. в Париже в Театре Елисейских полей дала свой гала-концерт. В 1937-м выступала в составе труппы Русского балета В. Г. де Базиля. Во время Второй мировой войны находилась в США. Вернулась в Европу. Училась пению в Милане и Риме. Некоторое время пела на итальянской сцене, исполняла лирические песни (колоратурное сопрано). В 1949 г. в Париже открыла собственную школу (студию) классического балета. Организовывала выступления учеников своей школы в Русском доме в Кормей-ан-Паризи (под Парижем) (1955-1959), благотворительном обществе «Дружеский очаг» и других. В 1959-м была удостоена Хореографическим институтом в Париже премии имени Сергея Дягилева. В Монте-Карло организовала Культурный центр русского балета (1966). Учредила премию «Приз Терпсихоры» лучшей балетной ученице. Член-корреспондент Французской академии изящных искусств. В 1973-м участник Буниных дней в Грассе (департамент Приморские Альпы). Автор мемуаров «Nikitina by Herself» (Лондон, 1959). <http://www.tez-rus.net/ViewGood105721.html>.

⁴ Дамы Алисия Маркова (англ. Alicia Markova, Doctor of Music; 1.12. HYPERLINK "https://ru.wikipedia.org/wiki/1910_%D0%B3%D0%BE%D0%B4" \o "1910 год"1910. – 2.12.2004, Бат) урожд. Лилиан Элис Маркс (англ. Lilian Alice Marks) – артистка Русского балета Дягилева, первая британская балерина, удостоенная титула Prima Ballerina Assoluta.

⁵ Александра Дионисиевна Данилова (20.10. 1903, Петергоф – 13.07.1997, Нью-Йорк) – русская балерина, балетный педагог. В 1924 году вместе с Георгием Баланчивадзе, Тамарой Жевержеевой и др. выехала на гастроли по Европе. Сергей Дягилев предложил войти в состав труппы «Русских балетов». В 1938-1951 гг. Данилова – прима-балерина в труппе Ballet Russe de Monte Carlo под руководством С. Денема. С 1964 по 1989 год – педагог в школе Американского балета (School of American Ballet) Баланчина в Нью-Йорке. В 1989 г. президент США Джордж Буш вручил ей медаль Центра Кеннеди за совершенство в танцевальном искусстве.